

Он стоял у самой воды и смотрел на меня, не отрываясь — казалось, он даже слегка оцепенел.

Я тут же выскочил на берег. Пользуясь тем, что незнакомец всё ещё пребывал в глубокой задумчивости, я вцепился обеими руками в ворот его одежды и торжествующе выпалил:

— Попался! Ах ты, воришка!

Вблизи я заметил: хоть порядочности в этом человеке ни на грош, лицом он вышел на диво недурно. Тонкие уголки глаз слегка приподняты, вырисовывая изящную линию, нос высокий и прямой, а губы — такие же алые, как в ту ночь — манили к себе какой-то порочной глубиной.

Впрочем, красота красотой, но не вздумал ли он отделаться молчанием?

— Думаешь, если будешь молчать, тебе всё сойдёт с рук? — я выпрямил спину, чеканя слова тоном заправского кредитора. — Немедленно верни то, что украл в прошлый раз!

Он же смотрел на меня в упор, и в его взгляде читалось нечто неразборчивое. Я ждал ответа, но вокруг царил тишина.

Ткнув пальцем в его щеку, я осведомился:

— Ты чего молчишь? Совсем онемел?

Он вдруг тяжело задышал. Он плавно отвел мою руку и, не меняясь в лице, развернулся, намереваясь уйти.

Разве мог я это позволить? Ухватив его за рукав, я закричал:

— Стой! Бежать вздумал?

Мужчина замер. Не проронив ни слова, он, стоя ко мне спиной, указал пальцем на мою одежду, брошенную на берегу. Только в этот миг до меня дошло, что я всё это время стоял перед ним совершенно нагим.

— Извращенец! — вскрикнул я, поспешно отпуская его рукав, но тут же спохватился и снова вцепился в ткань. — Стой здесь и жди меня! Попробуй только сбежать!

Припугнув его как следует, я бросился к вещам. Однако когда я, наспех одевшись, обернулся — берег был пуст.

Вот ведь гадство! Я же велел ему стоять на месте! Какой несносный человек!

Делать было нечего, пришлось возвращаться. Каково же было моё изумление, когда в тихой и пустой обычно хижине обнаружилось сразу несколько человек. Стоило мне переступить порог, как все взгляды устремились на меня. Я оглядел незваных гостей и вдруг замер: прямо передо мной, во главе группы, стоял тот самый «извращенец», подглядывавший за мной у реки!

Не раздумывая, я ткнул в него пальцем:

— Он... это он!

Договорить мне не дали. Лучившаяся радостью Гун-попо поманила меня к себе. Взяв меня за руку, она обратилась к кому-то невидимому:

— Первый глава, это и есть тот самый ребёнок, о котором я говорила.

«Первый глава»?

Я поднял голову. Мой недавний знакомый одарил меня мимолётным взглядом и произнёс своим привычным, низким и хриплым голосом:

— Понял. Я присмотрю за ним.

Присмотришь... за кем?

После этого гости вышли, оставив нас с Попо наедине.

— Попо, кто это такие? — в недоумении спросил я.

Старушка улыбнулась, ласково похлопав меня по руке:

— Это люди из крепости Байхуэй. Они часто спускаются с гор, чтобы проведать меня. Пока тебя не было, я рассказала им о твоей беде. Первый глава согласился помочь тебе отыскать брата.

Так этот извращенец и есть Первый глава?

Меня передернуло.

— Поэтому, — продолжала Попо, — я попросила их забрать тебя в горы.

— Забрать меня? — Это звучало так, будто мне предлагали податься в разбойники. Но куда важнее было другое: если я уйду, старушка снова останется совсем одна. — А как же вы, Попо?

Старушка притворно нахмурилась:

— Неужто я настолько дряхлая, что не смогу о себе позаботиться?

— Я не это имел в виду...

— Знаю я, что ты имел в виду. Но со мной ты из лесу никогда не выберешься. Не забывай, тебе нужно найти близких, и я не позволю тебе тратить на меня время, — её морщинистая, сухая рука нежно сжала мою ладонь. — Ступай с Первым главой в крепость, они помогут тебе. За меня не переживай.

Попо сделала паузу и добавила:

— К тому же Первый глава сказал, что доктор Ху разрешил мне пожить при лечебнице. Он даже пообещал научить меня искусству массажа. На старости лет это самая большая радость для меня.

Радость — это хорошо, но кто такой этот доктор Ху?

— Попо...

— Иди. Семья — это самое дорогое, что есть у человека. Я тоже надеюсь, что ты поскорее найдёшь своего брата и вы снова будете вместе.

— Хорошо.

Хоть я прожил здесь всего несколько дней, в миг расставания в груди защемило. Я уходил, раз за разом оглядываясь на хижину, пока та окончательно не скрылась за деревьями. Только тогда я ускорил шаг, догоняя группу.

Мы бесшумно пробирались сквозь лесную чащу. Тишину нарушали лишь редкие вскрики птиц да шорох наших шагов. Мужчины впереди двигались уверенно и осторожно, постоянно озираясь по сторонам, словно ожидая засады.

Один из них, молодой парень, то и дело оглядывался на меня. Наконец он замедлил шаг и, поравнявшись со мной, весело хлопнул меня по плечу. У него было маленькое лицо с огромными круглыми глазами, а когда он улыбался, во рту мелькали задорные тигриные клыки.

— Меня зовут Цинь Хуань. А тебя как звать?

Я уставился на его клыки и моргнул:

— Моё имя — Лянь.

— Лянь?

Я кивнул.

— А фамилия?

Тут я замялся. Похоже, фамилии у меня не было. С самого рождения меня звали просто — Лянь. Никто не знал моего происхождения, ведь в том пруду я был единственным лотосом.

Я призадумался. Раз уж я назвал того ворчливого Фэн-бо дедушкой, стоило бы взять его фамилию. Но... тогда я стану однофамильцем этого демона персика, Фэнхуа.

Ни за что.

Видя замешательство Цинь Хуаня, я после долгих раздумий наконец выдал:

— Моя фамилия... Бай.

Цинь Хуань, который был едва выше меня, бесцеремонно приобнял меня за плечи и потрепал по голове:

— Вот оно что! Значит, Сяо Байлянь. Если что понадобится — говори мне. В крепости Байхуэй будешь под моим крылом!

Я растерянно кивнул.

Должно быть, услышав наши голоса, шедший впереди «извращенец» слегка повернул голову. Заметив мой взгляд, он тут же отвернулся.

— Это наш Первый глава, — не упустил случая шепнуть Цинь Хуань. — Обычно он ходит с таким холодным лицом, что оторопь берет, но человек он, в сущности, неплохой.

«Неплохой человек»? Тот, кто чуть не убил меня и украл мою вещь?

Я смерил его спину гневным взглядом и спросил:

— Как его зовут?

— Мо Чэ.

«Мо Чэ» — значит, «Совершенная тьма».

Имя подходило ему идеально. Образно, метко, а главное — отражало его суть.

Я едва сдерживал смехок, стоя перед воротами крепости. Заметив это, Мо Чэ резко обернулся, посмотрел на меня, а затем перевёл взгляд на притаившегося рядом парня.

— Цинь Хуань, введи его в курс дела. Покажи здесь всё.

Цинь Хуань скорчил забавную гримасу:

— Понял! Я бы и без твоих указок так сделал!

Мой новый знакомый, ведущий себя так, будто мы сто лет знакомы, потащил меня на прогулку. Мы бродили по крепости под его нескончаемую болтовню. По дороге нам встречалось множество людей; казалось, Цинь Хуаня здесь любили все — каждый норовил чем-нибудь его угостить.

К полудню о моём появлении знала уже вся крепость Байхуэй.

Я выяснил, что здесь два главы. Первый — это наш «извращенец», а Второго я ещё не видел, но, по слухам, это человек суровый и острый на язык.

В моем представлении горная крепость всегда была разбойничьим логовом, где вино льётся рекой, а кругом бродят свирепые детины с тесаками. Однако за день мои стереотипы рассыпались в прах.

На деле крепость Байхуэй больше походила на тихую деревушку. Близилось время обеда, и над домами потянулись тонкие струйки дыма. На фоне густой зелени гор этот белый дым казался полупрозрачной вуалью, которая таяла в вышине прежде, чем успеешь моргнуть.

Женщины с корзинами выходили из ворот. Цинь Хуань пояснил, что они несут обед своим мужьям и братьям. Сейчас время весенней пахоты, и мужчины трудятся в поле до самого

заката, поэтому жены приносят им еду прямо к пашне.

— Пахота? — я был искренне потрясен. Это точно крепость, где должны грабить богатых и защищать бедных?

Цинь Хуань лишь усмехнулся моей реакции и повел меня дальше. Мы поднялись на возвышенность, откуда открывался вид на возделанные поля и фруктовые сады.

— Видишь? Всё это — зерно, овощи, фрукты — мы выращиваем сами. В страду работы невпроворот, зато осенью у нас полно еды. Что-то оставляем себе, излишки продаём внизу, — он широко улыбнулся, обнажив свои клыки. — В такой большой крепости нужно уметь кормиться своим трудом. Не разбоем же нам промышлять, в самом деле.

Я неловко почесал затылок:

— Кажется, я ошибся на ваш счёт.

Стоило мне это сказать, как в животе громко заурчало. Звук был настолько отчетливым, что мы оба замерли. Цинь Хуань со смехом потрепал меня по волосам:

— Проголодался, Сяо Байлянь? Пойдём, я тебя накормлю!

Идея была здоровой, но я предпочел бы, чтобы он перестал обнимать меня за плечи — так ходить было крайне неудобно.

Цинь Хуань жил в небольшом домике на южной стороне крепости. Его старшая сестра в прошлом году вышла замуж, так что теперь он хозяйничал один. Внутри всё было расставлено по линейке, даже на подоконниках не было ни пылинки. Глядя на это, я невольно восхитился его чистоплотностью.

Он усадил меня за стол и принялся суетиться на кухне. На все мои попытки помочь он отвечал отказом, велел просто ждать. Спустя изрядное количество времени он торжественно водрузил на стол тарелку с чем-то угольно-черным.

— Что это?

— Наш обед!

Цинь Хуань сиял от гордости, а у меня сердце ушло в пятки.

Под его полным надежды взглядом я взял палочки. Сначала я попробовал рис — он оказался

полусырым. Затем, пересилив себя, я подцепил кусочек чего-то скользкого, липкого и издающего весьма подозрительный запах.

В следующую секунду палочки звякнули о стол, а я рухнул на пол.

Ноги дернулись в конвульсии, и я провалился во тьму.

«Эрлан-шэнь, неужели это и есть та самая легендарная расплата?»

Когда я наконец пришёл в себя (не без помощи болезненных щипков за переносицу), то первым делом увидел виноватую мину Цинь Хуаня.

— Прости... я не знал, что так выйдет... Я видел, как сестра готовит, думал, всё так же просто. Кто же знал, что я такой бездарь...

Так я был твоим первым подопытным кроликом?

Кое-как поднявшись, я почувствовал, что в горле пересохло, а язык словно онемел от яда. Осушив добрых шесть чашек воды, я обрел способность говорить. Мой голос теперь звучал даже более хрипло, чем у Мо Чэ.

— Ничего... — прохрипел я, пытаюсь утешить расстроенного друга. — Главное, что жив остался. Говорят, после великой беды всегда приходит удача.

Цинь Хуань в изумлении округлил глаза и вздрогнул:

— Сяо Байлянь... Твоё лицо... Оно почернело...

Оказалось, у этого «блюда» был накопительный эффект. Стоило мне выпить воды, как съеденное превратилось в разъяренного зверя и принялось кромсать мой желудок. Не прошло и минуты, как я снова отбросил копыта.

Типичное пищевое отравление.

Очнулся я уже в другой комнате.

Наступила ночь.

В комнате тускло горела масляная лампа. Высокая тень заслоняла свет, оставляя лишь крохотный ореол желтоватого пламени. Всё казалось каким-то нереальным, словно во сне.

Я протёр глаза, сел и зевнул. Но стоило мне собраться слезть с кровати, как фигура обернулась.

— Ты?! Что ты здесь делаешь? — ахнул я.

Мо Чэ холодно взглянул на меня. Голос его по-прежнему был хриплым:

— Это мой дом.

Я окончательно запутался:

— Я же был у Цинь Хуаня. Как я оказался здесь?

Мо Чэ, видимо, не испытывал ни малейшего желания пускаться в объяснения. Он молча развернулся, чтобы выйти. Я, не желая его отпускать, схватил его за руку. Он лишь слегка повернул голову и бросил:

— Я в соседней комнате.

Что? К чему была эта фраза? Пока я хлопал глазами, пытаюсь осознать услышанное, он скрылся за дверью.

Голова гудела. Только сейчас я вспомнил, как едва не испустил дух от обеда Цинь Хуаня. Внутри всё похолодело — та стряпня была пострашнее тухлых лепешек.

Через полчаса желудок снова напомнил о себе. Я выбрался из комнаты и принялся бродить по дому в поисках съестного. В конце концов я наткнулся на кухню. К моему разочарованию, кроме связок сушеного перца и чеснока, там ничего не было. Однако упорство принесло плоды: в корзине за очагом я обнаружил большой ком теста. Похоже, его оставили подниматься, чтобы наутро напечь пампушек.

«А его можно есть сырым?»

Я откусил кусочек. Безвкусно.

Какая гадость...

Пока я морщился и высовывал язык, за моей спиной выросла тень. Пойманный с поличным, я

резко обернулся:

— Я ничего не крал!

В темноте силуэт Мо Чэ казался огромным. Я увидел, как он взял с разделочной доски нож. Лунный свет хищно блеснул на лезвии. Он сделал шаг за шагом, приближаясь ко мне, и я кожей почувствовал исходящий от него холод.

Я замер, видя, как сталь оказывается всё ближе. Бежать было некуда.

«Неужели ты решил прикончить меня за один укус теста?!»

Я задрожал. Нож со свистом опустился вниз, но вместо того, чтобы разрубить меня, он с филигранной точностью располовинил тесто. Раздался глухой стук.

Приоткрыв один глаз, я увидел, как Мо Чэ ловко подхватил половину теста и принялся его разминать.

Развел огонь, вскипятил воду, раскатал лапшу... Он быстро и умеренно отварил овощи, смешал соус и полил им свежую горячую лапшу.

А затем протянул миску мне.

Несмотря на свою неразговорчивость, перед тем как я успел наброситься на еду, он уселся напротив и серьезно произнес:

— Ешь медленно. Горячо.

Может, я был слишком голоден, но никогда бы не подумал, что простая домашняя лапша может быть такой вкусной. Весь день я ходил голодным и едва не был отравлен, поэтому стоило мне взять палочки, как я не смог остановиться, пока на дне миски не осталось ни крошки. Счастливый, я облизал губы.

А он ведь неплохо готовит.

Все мои нелепые гримасы не укрылись от его взгляда. Лицо Мо Чэ оставалось холодным, но глаза потеплели. Он всё это время сидел молча, наблюдая, как я ем. Когда я закончил, он спросил:

— Ещё?

Глядя на него такого, я старался сохранять бдительность. В прошлую встречу он едва не прирезал меня, а теперь вдруг такая забота — подозрительно.

Может, он хочет задобрить меня миской лапши, чтобы я забыл про украденную вещь?

Лапша была выше всяких похвал, но, как говорится, не стоит принимать слишком много милостей, иначе потом будет трудно требовать своё. Я покачал головой:

— Нет, спасибо. Наелся.

— Угу, — он молча забрал пустую миску и вышел.

За деревянной стеной была его половина дома.

Сытый желудок не давал уснуть. Я ворочался с боку на бок, подперев голову рукой, и обдумывал, как вернуть свою Шпильку Управления Ветром.

Воровать мне не пристало — статус бессмертного обязывал к благородству. Сначала нужно потребовать её назад, а если не отдаст... тогда «забрать». Именно забрать, а не украсть, ведь вещь-то моя. В этом нет ничего предосудительного.

Но я ведь уже спрашивал его несколько раз! А он либо отмалчивался, либо уходил, либо просто не давал мне вставить слова.

Какая досада.

Может, спросить прямо завтра на рассвете? Рубить сплеча, так сказать.

А если не отдаст? Здесь его логово, и искать смерти в пасти зверя было бы глупо. К тому же мне всё ещё нужна их помощь в поисках моего перерождения.

Как же это злит: у меня украли вещь, а я вынужден быть просителем.

Я продолжал ворочаться, пока не услышал снаружи тихий шорох. Выглянув в окно, я заметил темную фигуру, которая бесшумно скользнула со двора. По силуэту я сразу узнал Мо Чэ.

Этот извращенец... неужели снова отправился в набег?